

**Никольский дискурс в творчестве М.А. Булгакова:
сочетание монархического и мифологического**

Образ Николы в булгаковских произведениях является одним из важных элементов мифологического подтекста. При этом никольские коннотации связаны в основном с зимним антуражем – практически нет ассоциаций с Николой Вешним, хотя будущего писателя, как известно, крестили (в киевской церкви Николая Доброго) через неделю после этого праздника – 30-го мая 1891 г.

Никола Зимний у Булгакова настолько важен, что может «вторгаться» в летние события. Так, в повести «Роковые яйца» наступающие на Москву полчища гигантских пресмыкающихся остановлены лишь его чудесным вмешательством: «В ночь с 19-го на 20-е августа 1928 г. упал неслыханный, никем из старожиллов никогда еще не отмеченный *мороз*. Он пришел и продержался двое суток, достигнув *18 градусов*» [2: 143¹]. Соответствующая глава имеет название «Морозный бог на машине» – каламбурно обыграна формула *deus ex machina*. Характерно, что нашествие «гадов» на Москву в изображении Булгакова прямо напоминает наполеоновское; явственна отсылка к X главе «Евгения Онегина»:

¹ Цитаты из булгаковских текстов приводятся по изд.: *Булгаков М.А. Собрание сочинений* в 8 тт. М., 2007–2011, с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах наш.

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?²

В булгаковской повести чудесным помощником оказывается Никола, с которым, собственно, связано происхождение понятия и самого фразеологизма «русский бог»³.

Похожий случай видим в пьесе «Бег», где в первой же фразе звучит обращение к Николе – монахи в подземелье поют: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...» [4: 283]. Будучи покровителем «плавающих, путешествующих»⁴, Никола имеет прямое отношение к основной теме, выраженной в заглавии «Бег». Но возникает и мотив, сходный с повестью «Роковые яйца», – «нештатная» активность Николы Зимнего; характерна фраза в открывающей ремарке Сна второго: «Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз» [4: 300]. Он помогает красным взять Перекоп и захватить Крым. Выясняется, что (как говорится в булгаковском фельетоне «Москва краснокаменная») «на небе-то <...> за большевиков стоят» [3: 71], – соответственно, «Христово именитое воинство» [4: 310], каковым считали себя белые, обретает inferнальные коннотации.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. 6. М., 1995. С. 522.

³ См.: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 119–122.

⁴ Ср. посвящение повести «Записки на манжетах»: «Плавающим, путешествующим и страждущим писателям русским» [1: 409].

В приведенных примерах «несвоевременное» вмешательство Николы Зимнего в «летние» события выглядит гротеском; зато в «зимних» сюжетах булгаковских произведений он присутствует вполне закономерно. При этом важно отметить, что коннотации Николы как патернального верховного покровителя реализованы, в частности, в образах одноименных российских императоров. Одним из «знаков», посредством которых актуализируется связь между монархическим и мифологическим, является *водный* мотив, вводящий тему «потопа» или «утопления»; вода может выступать в разных агрегатных состояниях – как в виде собственно жидкости, так и в виде хаотично движущегося снега.

Общеизвестно значение «метельных» мотивов в романе «Белая гвардия», которому предпослан эпитафия из «Капитанской дочки», описывающий начало бурана [1: 32]; при этом у Пушкина движение в снежном хаосе уподоблено «плаванию судна по бурному морю»⁵. Показательно, что в «зачине» булгаковского романа (как в начале «Бега») возникает образ Николы: «О елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем!» – причем непосредственно за ним идет воспоминание об умершей матери [1: 33]. С одной стороны, это корреспондирует с линией Николки Турбина, которому в финале романа «предсказана» смерть [1: 347]. С другой стороны, атмосфере «метельного» хаоса соответствует недостоверность информации о Николае II, о котором Шервинский говорит

⁵ См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. М., 1995. С. 288.

как о здравствующем, хотя бывший император явно убит [1: 72–73]. Возникает гротескный образ Николая, парадоксально «балансирующего» между живым и мертвым, – в этой ситуации абсурдно звучит предлагаемый Николкой тост за здоровье императора; характерны также реплики Елены и Алексея: «Пусть! Пусть! Пусть даже убит, – надломленно и хрипло крикнула она. – Все равно. Я пью. Я пью. <...> Если император мертв, да здравствует император! – Турбин крикнул и поднял стакан» [1: 74].

Судя по произведениям Булгакова, из русских царей его больше всего привлекали именно два Николая да еще Иван Грозный (возможно, это обусловлено тем, что младшие братья писателя носили имена Николай и Иван). Аллюзий к остальным монархам мало: есть, например, либретто оперы «Петр Великий», однако оно было создано Булгаковым в соответствии с (нереализованным) замыслом Б.В. Асафьева. В «Белой гвардии» в квартире Турбиных отмечен ковер с Алексеем Михайловичем [1: 34], в квартире Василисы – статуэтка Александра II [1: 63], в гимназии висит портрет Александра I [1: 130–131]. Но тема Николая II здесь гораздо важнее, тем более что в подтексте она подкреплена «распутинскими» ассоциациями: например, имена полковника Най-Турса и его сестры – Феликс Феликсович и Ирина [1: 312] – отсылают к семье Юсуповых, сыгравшей немаловажную роль в судьбе последнего императора.

С юсуповским имением Архангельское, как считается, связан и сюжет раннего рассказа «Ханский огонь», в котором видим,

хотя и слабую, связь водных мотивов с «зимними» коннотациями образа Николая I. Здесь фигурирует портрет матери князя Тугай-Бега – «любовницы Николая Палкина» [1: 470]: «В *сыром тумане* славного и страшного города *на севере* была увита легендой потому, что первой любви удостоил ее уже на склоне своих дней тот самый белолосинный генерал, портрет которого висел в кабинете рядом с Александром I. Из рук его перешла в руки Тугай-Бега отца и родила последнего нынешнего князя. Вдовой оставшись, прославилась тем, что ее нагую на канате *купали в пруду* четыре красавца гайдука...» [1: 469].

Никольский подтекст существен в рассказе «Вьюга». В одной из наших работ дан подробный его анализ⁶, поэтому отметим лишь несколько основных мотивов. Водная тема реализована в открывающем рассказ «банном» эпизоде; герой, пребывавший в теплой воде, как в материнской утробе, «извлечен» оттуда посланцем-пожарным и вынужден отправиться в путь по зимней дороге, чтобы оказать помощь девушке-невесте, получившей в день свадьбы тяжелейшую травму головы. В пути Юный врач погружается в сон: «Меня начало качать, качало, качало... пока я не оказался в *Сандуновских банях* в Москве. И прямо в шубе, в раздевальне, и испарина покрыла меня. Затем загорелся факел, *напустили холоду*, я открыл глаза, увидел, что сияет кровавый шлем, подумал, что пожар... затем очнулся и понял, что меня

⁶ См.: *Яблоков Е.А.* Исцеляющий миф. Коды традиционной культуры во «врачебных» рассказах М.А. Булгакова. М., 2019. С. 134-192.

привезли. Я у порога *белого здания с колоннами, видимо, времен Николая Ъ* [2: 311]. «Банальный» мотив обретает коннотации второго рождения и плавания. Вместе с тем «онирическое» путешествие героя, застигнутого как бы в «эмбриональном» состоянии, оказывается движением в прошлое, в николаевскую эпоху. Характерно также, что отец девушки – агроном – не представлен в рассказе «воочию», но ассоциируется как с императором Николаем, так и с «одноименным» святым, причем в данном случае играет скорее роль «вредителя». Никола Зимний считался покровителем волков⁷ – на обратном пути Юного врача и возницу преследуют волки [2: 317–318], словно заколдованные участники несостоявшейся свадьбы, стремящиеся не дать герою покинуть мертвую невесту.

В зимнем антураже совершается и действие «Собачьего сердца» – показательно, что «спаситель» Шарика является из снежного хаоса⁸: «Господин уверенно пересек *в столбе метели* улицу и двинулся в подворотню» [2: 152]. Примечательно, что одним из основных прототипов Преображенского традиционно считается дядя Булгакова, врач *Николай* Михайлович Покровский. Внешность Преображенского вызывает не просто аристократические («с <...> усами седыми, пушистыми и лихими, как

⁷ См.: Белова О.В. Николай // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 тт. Т. 3. М., 2004. С. 400.

⁸ Кстати, в повести отмечен ряд реминисценций из поэмы А.А. Блока «Двенадцать», основное действие которой происходит метельным вечером (см.: Шаргородский С. Собачье сердце, или Чудовищная история // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 89).

у французских рыцарей» [2: 152]), но «монархические» ассоциации: «Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля» [2: 243]. Как видим, в образе булгаковского профессора сочетаются мифологические и «царские» черты. Что касается водной темы – мотив снежного хаоса дополняется эпизодом катастрофического «потопа», который Шариков устраивает в профессорской квартире [2: 223–225].

Под конец обратимся к двум булгаковским пьесам, в которых императоры «Николаи» являются сценическими персонажами – хотя и не центральными, но судьбоносными для главных героев: Николай I решает судьбу Александра Пушкина в одноименной драме, Николай II – Иосифа Джугашвили в пьесе «Багум». Там и здесь решения императоров угрожают героям смертью, и в обоих случаях (хотя в разных смыслах и разными «способами») герои «воскресают».

В драме «Александр Пушкин» видим явно «зимний» образ Николая I⁹. Император является в Третье отделение вьюжной ночью в момент, когда Дубельт читает вслух пушкинское стихотворение, приведенное в одном из доносов: «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя...» [6: 214], – кстати, эта строка является лейтмотивом пьесы, поддерживая в ней ту же семантику, что

⁹ Ср. впечатление от внешности Николая I, высказанное в романе А.И. Герцена «Былое и думы»: «Он был красив, но красота его обдавала холодом; <...> главное – глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза!» (*Герцен А.И.* Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 8. М., 1956. С. 62).

эпиграф из «Капитанской дочки» – в романе «Белая гвардия». Николай предстает олицетворением грозного хаоса, ополчившегося на Пушкина, – показательна в этом смысле беседа двух жандармских начальников. Получив императорскую «санкцию», Бенкендорф прозрачно намекает Дубельту, что дуэль не должна быть предотвращена: «Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...» [б: 217]. После его ухода Дубельт вновь цитирует пушкинские стихи, словно «призывая» снежную стихию: «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя... Не туда! Тебе хорошо говорить... Буря мглою небо кроет... Не туда...» [б: 218]. Тему снежного «потопа» в связи с императором дополняют водные мотивы. На балу у Воронцовой беседа Николая I с Пушкиной протекает в зимнем саду у *фонтана*, причем первая же (книжно-«красивая») реплика императора акцентирует это обстоятельство: «Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!» [б: 200]. Кроме того, в финале шпик Битков, рассказывая Смотрительше о дуэли, говорит про Пушкина: «Ну, и он прямо *на Речку*, а там уж его дожидаются» [б: 243]. Смотрительша, не знающая подробностей, вполне может решить, что покойник, которого теперь везут хоронить, был, например, утоплен. После этого Битков произносит: «Ой, буря! Самые лучшие стихи написал» [б, 243], – и вновь цитирует первые строки «Зимнего вечера». Поэт, являющийся «представителем» мировой стихии и потому «воплотивший» бурю в слове, выступает как бы ее повелителем – хотя «воде» (в жидком и твердом виде) удалось одержать над ним временную победу.

В пьесе «Батум» Николай II появляется в единственном эпизоде беседы с министром (того тоже зовут Николаем), принесшим на высочайшее утверждение приговор Иосифу Джугашвили. Характерно, что речь сразу же заходит о *купании*. Услышав о каком-то недомогании визитера, Николай говорит: «Я вам могу дать очень хороший совет, Николай Валерианович. У императрицы были точно такие же боли и совершенно прошли после одного купанья в Саровском прудике. Да я сам лично, искупавшись, получил полное физическое и душевное облегчение». Затем император обещает прислать министру и его супруге «пузыречек» воды из «прудика» [б: 313]. В итоге утверждается приговор Джугашвили – высылка на три года в Восточную Сибирь [б: 317]: два «Николая» (причем один из них – «Второй») отправляют героя в экстремально «зимние» условия. Однако тема «исцеления водой» получает развитие: пребывание в «ледяном аду» парадоксально приводит к избавлению от телесного недуга. В следующей (последней) картине пьесы вновь появившийся в Батуме Джугашвили рассказывает про свой побег из ссылки: «У меня совершенно здоровая грудь и кашель прекратился... <...> Я, понимаете, провалился в прорубь... там... но подтянулся и вылез... а там очень холодно, очень холодно... И я сейчас же обледенел... Там все далеко так, ну а тут повезло: прошел всего пять верст и увидел огонек... вошел и прямо лег на пол... а они сняли с меня все и тулупом покрыли... <...> заснул, проспал пятнадцать часов <...> И с тех пор ни разу не кашлянул. Какой-то граничащий с чудом случай...» [б: 321-322].

Не станем здесь вдаваться в интерпретацию финала пьесы «Батум», как и в анализ образа ее главного героя¹⁰. В данном случае нам важно было еще раз подтвердить, что образы высокопоставленных «Николаев» в булгаковском мире не только устойчиво связаны с мифологемой Николы Зимнего, но содержат «водные» коннотации, реализуемые в различных мотивных конфигурациях.

¹⁰ См., напр.: *Яблоков Е.А.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 354–357; *Яблоков Е.А.* «У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера» (Образ политика-оборотня в произведениях Михаила Булгакова) // Сборник Матице Српске за славистику. 2020. Кн. 98. С. 104–107.